

18+

Евгений Козлов

ЭПИОДЫ РОМАНТИЧЕСКОЙ
ЛЮБВИ

Евгений Козлов

Этюды романтической любви

«Издательские решения»

Козлов Е.

Этюды романтической любви / Е. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985113-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Собрание прозаических и поэтических сочинений, посвященных романтической любви. В книге представлена галерея этюдов, чернилами написанные художником, они красками вашего воображения обрисуются печальными тенями, дабы затем осветиться бликами радости на полотне жизни.

ISBN 978-5-44-985113-0

© Козлов Е.

© Издательские решения

Содержание

Этюды романтической любви	6
Этюд первый. Две души	7
Этюд второй. Воздух любви	9
Этюд третий. Вечно любящая Адэллия	10
Folle amore	12
Белокурый ангел	15
Альт	19
Новелла ночи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Этюды романтической любви

Евгений Козлов

© Евгений Козлов, 2020

ISBN 978-5-4498-5113-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гайдуковой Арине.

Этюды романтической любви

Смиренно и благостно вокруг. Воздух напоен любовью. Ах, как бы художник желал, чтобы девушки были схожи с цветами, столь же красивыми и не менее безмолвными. Весною они распускаются, лепесток за лепестком, они благоухают, позируют пред уставшими очами художника. То ли желая ему понравиться, то ли хотят стать мимолетной животворящей музой гения. И юный художник, видя их, словно просыпается от долгого сна. Впрочем, он здесь не для этого, он идет в магазин покупать новые кисточки для миниатюры с черным черенком, ибо весь его запас кистей давным-давно исчерпался.

Вот сквозь серость неба проглянуло сонное солнце, отчего смущенные сугробы покрылись испариной, или они плачут от умиления, завидев золотое личико тепла. Однако не только погодные перемены завладели умствованием художника, более прочего его пылкий ум приметил небольшое изменение в облике незнакомых ему девушек, которые самим естеством своим почувствовали приход весны, отчего немедленно снимали шапки и другие головные уборы, обнажив тем самым свои прелестные головки, увенчанные изумительными на вид и на ощупь волосами. Эти длинные колышущиеся на ветру шевелюры будоражили художника, отчего тот более ни о чем другом не мог и думать, хотя и у него волосы не коротки, однако именно девичьи волосы обладают некой несравненной легкостью, мягкостью, грациозностью. Это лишь первый этап обольщения зрителей. Художник это хорошо понимает. Эту весеннюю стихию не остановить. После обнажения волос, в ход пойдут наряды более обтягивающего фигуру покроя, затем ножки девушек облекутся в черные колготки, юбочки, все это великолепие хлынет на улицы города, когда еще немного повысится температура на улице. Да, женщины действуют изощренно, изобретательно, дабы привлечь внимание противоположного пола, и им это с лихвой удается.

А душа художника, словно в весенней пелене, его чувства оживают, обостряются, и ими всё труднее управлять. Его плоть обуревают желания, которым позволено воплотиться только в браке, только в любви. Но, не имея и намека на свершение сего таинства в ближайшее время, его тело скорбит. И художник находит причину своего скорбного состояния, говоря самому себе следующее – «В свои юные лета я пока что не утратил надежду на то, что меня когда-нибудь полюбит девушка. Моя же любовь к девушке всегда безответна, поэтому только любовь ко мне я смогу принять. Пускай даже полюбить меня невозможно, я буду верить в то, что это возможно. Каждую свою осень я буду смиряться с одиночеством, буду привыкать к одинокой жизни бесславного творца. И каждую весну наивно буду верить, и надеяться найти свою музу. Если в моей жизни и произойдет когда-нибудь поцелуй, то только по взаимной любви». – затем художник заключил. – «Мне не нужна первая, мне нужна единственная». Таким образом, вопреки всем своим невзгодам он и ныне продолжает мыслить романтично.

Так художник и бродит по улицам города, встречая на своем пути многих молодых людей, одни из них веселы, другие печальны, все они когда-нибудь полюбят, либо они уже любят. И кстати у художника есть одно интереснейшее увлечение, помимо уединенных размышлений. Ему нравится выдумывать для людей различные необычные истории, коротенькие притчи, но довольно занятные. Он словно в своем воображении достает этюдник, краски, кисти и начинает делать краткие зарисовки. Ему не нравится говорить с людьми, он предпочитает жизнь одинокую, потому и долго хранил в секрете все эти рассказы, сберегал их под замком своей души. Впрочем, однажды он раскрыл бумаге все эти образы навеянные снами и иллюзиями, либо стонами своего разбитого сердца. Все его рассказы это осколки, которые собрав воедино в альбом или в книгу, можно почувствовать как оно тихонечко бьется шелестом бумаги, призывая музу к вечной любви.

Этюд первый. Две души

Впервые я увидел Азалию на дне рождении своей сестры. Празднование происходило в нашей квартире, где мы жили вместе с родителями, которые уехали путешествовать в одну из жарких стран. А я и сестра остались на несколько недель одни, и так совпало, что именины моей сестры Элеаны пришлось именно на эти памятные для моего сердца дни. В самый разгар празднества в квартиру забились дюжина молодых людей, то были люди довольно приличные и интеллигентные, отчего нам не приходилось бояться непредвиденных конфузов и других происшествий. Однако одно важное для меня событие определенно произошло. Я разглядел в толпе людей девушку, очень привлекательную, стройную, милую, и внезапно позабыл обо всех остальных присутствующих здесь людях. Эта девушка стала предметом моего пристального внимания, а так как в данное время я был хозяином квартиры, то без зазрения совести следил за гостями, в особенности наблюдал за нею, чье имя звучало как название цветка.

И когда она отошла на кухню помыть руки после нарезания фруктов, я последовал вслед за нею, однако постеснялся близко к ней подходить. Я остался стоять в проходе. Моё зрение любовалось девушкой. Но внезапно мой взор заметил нечто опасное на вид, я увидел, что тарелки в кухонном шкафчике уложены неаккуратно, они выпирают наружу, и вот-вот выскользнут и обрушатся на голову, ни в чем неповинной Азалии. Мне стало страшно за неё. Я хотел было предупредить её об опасности, но в следующую секунду тарелки затряслись и почти перевалились через хрупкие подпорки. Я машинально отошел в сторону, будто ограждая себя от тяжелого фарфора.

Однако в следующую секунду я и вправду услышал возле себя падение и разбитие посуды. Я обернулся и увидел мойку, в ней и на полу лежали белые черепки. Но что-то меня крайне озадачило. Я метнул взгляд на свои руки, и они показались мне другими, они показались мне тоньше и изящнее. Я даже залюбовался ими, а затем обернулся и увидел себя, вернее свое тело, в которое переселилась душа Азалии, в то время как я оказался в её теле. Мы обменялись телами, вернее именно я спровоцировал это чудо, испугавшись за сохранность жизни девушки. Та, будучи сообразительной, не испугалась, но всё сразу поняла. Ей мой поступок пришелся по сердцу. Мы не запаниковали, не истерили, у нас не было желания воспользоваться данной необычной ситуацией для неприличных целей. В нас царила полная осознанность, в нас возобладало знание о том, что не только ради спасения девушки всё это произошло, но ещё и для чего-то большего. И прежде чем мы не догадались, в чем тут дело, мы решили вести себя сколь и прежде естественно, не выдавая явной произошедшей в нас перемены. Неудобств никаких не было, ведь мы видели всё такой же окружающий мир душами посредством глаз, а всё остальное можно было увидеть только в зеркале, что Азалия и поспешила исполнить. Я же направился к гостям, словно ничего не бывало, готов был беседовать со всеми, будто я девушка. Однако мне это плохо удавалось. Один из молодых людей заметил то, что я двигаюсь как-то странновато. Отчего я немедленно решил отойти в комнату сестры, в которую меня, конечно же, не пустили, так как она там любезничала со своим ухажером. Поэтому я отправился в спальню родителей, там как раз располагалось большое мамино зеркало в полный человеческий рост. Там уже находилась Азалия в моем теле, впрочем, завидев мое приближение, она быстро отошла в сторону окна.

Всматриваясь в зеркало, я смог хорошенько себя такого нынешнего рассмотреть. И мне понравилось то, что я увидел. Я полюбил эту стройность, это милое личико, длинные волосы, убранные в хвост, особенно их, красно-рыжий оттенок. Мне понравилось платье, оголенные бретельки, тоненькие ручки, белизна кожи. Я еще сильнее полюбил всю эту девичью красоту. Я, по-видимому, улыбался. Однако Азалия нарушила моё любование её телом. Она подозвала меня к себе и спросила – какова она? Я осмотрел свое тело, в которое переместилась душа

Азалии, и не заметил ничего примечательного, так как оно всегда мне не нравилось, я считал его некрасивым. Я поведал ей о своем впечатлении, но мой ответ её опечалил. Мой ответ оказался неправильным.

Тогда только до меня, наконец, дошло, для чего мы поменялись телами. Для того, чтобы я, не прельщаясь привлекательным телом Азалии, сумел различить её не менее прекрасную душу. Взглянув в глаза, которые раньше были моими, я смог распознать в них её душу, я узрел взгляд, в котором угадывалась доброта и честность, сердечность и милосердие. Душа Азалии светилась, и я полюбил её. Я полюбил её всю.

В следующее мгновение я уже созерцал девушку посредством привычного для меня тела. Однако отныне я полюбил её душу, её душа бессмертна, её душа, кажется, любит меня. Мы две души полные любви.

Этюд второй. Воздух любви

Элеана позвала на празднество своего дня рождения одного молодого человека, своего ровесника и изрядного красавца. Она влюбилась в него с первого взгляда, вот только любовь её выражалась не открыто, а символически, и эти символы и знаки тому бедолаге придется со временем пришлось распознать и оценить. Впрочем, к её глубочайшему сожалению, все её томные взгляды оказались бездейственными и безрезультатными. Поэтому она и решила на правах именинницы, воспользоваться мгновением и хорошенько с ним всё обсудить. Безусловно, наедине со своими мыслями и чувствами она была решительна, дерзка и прямолинейна, однако когда тот молодой человек пришел на её праздник, когда поздравил её и подарил ей невероятной красоты букет цветов, то тут Элеана расплылась в идиотической улыбке. Она пробубнила в ответ нечто невнятное, покраснела, отчего румяна на её щеках стали алеть подобно цветам мака. В общем, она с лихвой выдала все свои искренние чувства на всеобщее обозрение, что лучше сработало, нежели её прошлые мистические манипуляции глазами и другие невербальные сигналы.

К счастью в дальнейшем всё пошло по плану. Элеана много шутила, радовалась, словно раскрепощенный ребенок, вела себя беззаботно. Затем как бы невзначай предложила своему возлюбленному помочь ей в одном деле. И когда он согласился, она сопровождала его в свою комнату. Молодой человек несколько разнервничался, толком не зная чего ему ожидать от столь шумной хозяйки вечеринки. Однако в итоге он выяснил, что он во всех своих догадках ошибался. Уже находясь в её комнате, она вручила тому простой воздушный шарик и попросила его надуть. И она также принялась надувать шарик для предстоящего конкурса, ей нужно было именно два шарика, для двух команд. Когда они закончили надувать шарики, то перевязали их, дабы те не сдувались. Молодой человек хотел было выходить из комнаты девушки, как тут внезапно Элеана призналась ему в своих чувствах. Она произнесла нечто невразумительное, но симпатичное на слух. Молодой человек, молча выслушал её речь, однако затем расстроил девушку, не отказом, а превратностью судьбы. Ведь оказывается, что скоро он уедет учиться в другой город, поэтому лучше не травмировать свои сердца и не строить воздушных замков. После он побыл на этом празднестве несколько часов, крайне при этом мало сообщаясь с Элеаной. Впрочем, за это время она не успела ничего себе напридумывать, она не успела помыслить об их будущем, из грез и мечтаний не сотворила воздушный замок, поэтому ничего и не было разрушено, ничто не было разбито, сломлено или растоптано. Она попросту опечалилась. Вечером проводила всех гостей, и заперлась в своей комнате. Начала разбирать свои подарки, но тут заметила возле ручки двери повисший на ней чуть сдутый воздушный шарик, синего цвета с красными сердечками. Не сам шарик привлек её внимание, а то, что в нем находилось. Ведь шарик надут воздухом, который вдохнул в себя её возлюбленный, он пропустил этот воздух через свои легкие. Этот воздух был рядом с его сердцем, а затем он высвободил его в шарик, сохранив тем самым для неё частичку себя.

Для Элеаны то был самый настоящий воздух любви, который со временем испарится, но пока, он здесь, он рядом. Это его дыхание, это крупица его жизни. Столь романтично она помышляла, всецело отдаваясь сказочным миражам. Она даже представила, как однажды её возлюбленный прилетит к ней на воздушном шаре и заберет её к себе. В воздухе он сделает ей предложение руки и сердца...

Элеана мечтала, и воздух вокруг неё наполнялся любовью. Она дышала любовью, она жила любовью, и может быть, поэтому шарик всё не сдувался, напоминая ей о той мечте. Поэтому она ждала, надеялась и может быть, поэтому её мечта, однажды исполнилась.

Этюд третий. Вечно любящая Адэллия

Страдалец неодолимо плутал посреди пепелища собственной измученной души. Терзаемый безответностью любви, настолько отчаялся сердцем своим, отчего буквально потерял счет времени, утратил пространственное мышление. Он беспутным духом блуждал по городу, отыскивая для себя пристанище покоя или забвения. Завидев скамью на побережье вблизи морских волн, не замедлил сесть на неё, дабы отдохнуть от своих непосильных бессмысленных странствий. Ибо от себя он никак не мог убежать, в особенности от своих горестных помышлений. Однако в одиночестве ему побыть не удалось, рядышком с ним присела на ту же скамью старушка, седая и сморщенная и на кого-то очень похожая, вот только на кого – не смог себе ответить юноша, рассматривая её боковым зрением.

Пожилая дама тем временем обратилась к молодому человеку, видя, насколько тот опечален, она пожелала поделиться с ним своей трагичной историей. Дабы тем самым хотя бы немного развеять юношескую ничем не оправданную самолюбивую и заносчивую печаль.

Она рассказала юноше историю о том, как когда-то вот также сама полюбила молодого человека полного надежд и жизненного энтузиазма. Но тот ответил ей категорическим отказом или, же вовсе предал безразличию её нежные чувства, и тем самым сделал девушке больно. Она не отчаивалась, и всюду была рядом с ним, чем, безусловно, изрядно докучала ему. Своей любовью она всячески раздражала его, однако дабы не обидеть это хрупкое влюбившееся в него создание, молодой человек старался не общаться с поклонницей, он избегал её общества, пускай и самого дружеского на вид. Затем заполучив видную должность, он стал разъезжать по дальним странам и городам. А она глупышка, всюду следовала за ним, продолжая за ним ухаживать. В те времена с её уст слетали только слова искренней любви, она не скупилась на подарки и обещания, писала ему письма, порою прибегала к лести. Она попросту желала того, чтобы он полюбил её. Она поклялась вечно любить того молодого человека. Но тот однажды женился на другой девушке, отчего все ухаживания и поездки других женщин стали преступными, потому она утратила право досаждать ему, человеку женатому. Она перестала даже писать ему, ведь письма могли бы стать предметом ревности со стороны его супруги. Девушка продолжила тайно вздыхать о своем возлюбленном, следя за каждым его шагом, за событиями, происходящими в его жизни. Так она позабыла о своей собственной жизни. И так продолжалось до поздней старости.

Юноша, слушая бормотание старухи, несколько повеселел, однако, не поверил в правдивость всей этой истории. Былые его горести уже не казались ему такими уж страшными, поэтому он готов был следовать дальше. Как вдруг у него появилось желание спросить у рассказчицы об имени героини её рассказа. А старушка, словно не дожидаясь вопроса юноши, проговорила – Адэллия, так звали эту девушку.

Эта новость поразила юношу, ведь ту девушку, которая постоянно всюду бегаёт за ним и докучает ему, зовут точно также, в то время как он влюблен в другую.

Покуда он вновь вспоминал о своих проблемах в личной жизни, произошло ещё одно невообразимое событие. К скамье, на которой он сидел со старушкой, подошли люди в белых халатах, и повели эту пожилую женщину обратно в местную психиатрическую лечебницу. Старушка напоследок улыбнулась своему недавнему слушателю, словно намекая о судьбе тех, кого отвергли их возлюбленные. Юноша словно побывал в будущем, и от этой мысли ему стало действительно страшно. Он сразу осознал, сколь велика ответственность на него возложена, сколь жесток он порою был, сколь циничен и расчетлив, сколь он эгоистичен. Ведь он пока что способен предотвратить такое будущее, если гораздо благороднее и сердечнее отнесется к той несчастной девушке. Она заслуживает немного жалости и человеческой любви. И лучше друга, чем она ему не сыскать. Она будет ему верна, жертвенна. Она любит его, и он однажды

полюбит её. Нужно только дай ей шанс сердечно раскрыться. Таким образом, мыслил юноша, покуда не наступил вечер, и ему нужно было возвращаться домой, где он откроет то письмо, прочтет его и ответит.

2015г.

Folle amore

Люблю тебя безумно, безумством покоренный,
Сокрушенный невольник вдохновенья.
В оковах сердца навеки заключенный,

Болью умираю в муках сотворенья.
Я святой образ девицы вижу.
Невинной кротости царица.

Ее голос нежный, ее пенье слышу,
Словно воспевает Бога Рая птица.
Божественная муза в даре благословенья,

Как свет и ночь в единстве озаренья.
Не из тени воссияла, но из длани
Эдемским облаком – душа,

Во плоти прекрасной лани,
Мои творенья в прах круша,
Склонила гения ангельской любовью.

Столь великой, столь несчастной.
Пленила богоподобной красотой
Властью девицы полновластной.

Смиряла холодом и жаром испепеляла
Мышление юное, деянья всеблагие.
Надежда счастья угасала,

Познав сколь далеки самые родные.
Год разлуки – тысячелетье.
Минута взгляда – вечность без пространства.

Верьте!
Нищий в голоде сочиняет без жеманства,
Отдает половину царства за единый взор,

Девицы милой ангелу подобной.
Но что вы кричите мне укор,
Будто она грешна похотью утробной.

Будто поцелуй ведом ее устам,
Ужели она не мне принадлежит?
Или иные тянулись к ее рукам?

Другой ее боготворил?

О горе мне, я призываю смерть!
Мне слезы станут пропуском в обитель,

Снова страданий пылких круговерть.
Любви искомый сочинитель
Умри, презренный червь у стоп Любимой.

Всеми гонимый окончи срок.
Любовь моя порождает лишь унынье страшной силой
Колдовской и одержимой, пророк

Мне жизнь, рожденная в обмане.
Ужели ты мне верность не хранишь?
Ужели я в ничтожном сани.

Ужели за непогрешимость ты меня коришь?
О горе мне, и пламя всем моим твореньям...
Изыдьте! Любимая невинна! Услышь лукавый рок!

Вы губите меня забвеньем,
И если и вправду творит она порок,
Пусть я ослепну, пусть стану глух.

И лик ее засияет ярче белизной.
Обратившись вслух.
Познаю миг очищения росой

Слов правды пред очами Бога.
Мне святы венценосные творенья
Воздержанного слога,

Признанья, откровенья
Духа. Но вы, шепчете о чем-то злом.
Глаголя – воззрись на деяния людские.

О том мудро рассуждает мой первый том.
Омывая берега морские
Оставьте отлученье

В пучине вод жемчужных лилий.
Пусть минет осужденье.
В очертаньях гибких линий

Предстанет дева.
И согрешенья развеются, простятся.
Между нами житницы любви посева,

Молчанья, созерцанья, наши взоры льстятся.
Моя любовь безумна, может стать.

Но не грех безумство то.

А безумье пред обществом и веком.
Системой будто решено,
Веселье окрашивается смехом,

Печаль одиночества слезами.
Но в любви чувства не пестрят,
Возбуждая ум высокими стезями.

Те сомнамбулы не спят.
Так сердце бьется тихо и во сне.
Прорывая оболочки стен

Души, крик смиряется во мне,
Омывая кровью стираемых колен.
Помни поэт – лишь раз угаснет твоего ока взор,

Лишь раз затихнет твоего сердца вой.
Но куда судьбы своей ты ревизор.
Люби и видь Любимую святой.

Пиши – так предназначено судьбой.

2012г.

Белокурый ангел

«Любовь моя – безответностью смиренна».

«Вдохновительнице от творца».

*«Вдохнови касаньем ласковым души
Стремящейся возвыситься, иль пасть
В глубины космоса, в пустующие дни
Влекут живительную часть
Творений, родившихся в ночи».*

Возвышенным ума смущеньем не познать притоки вдохновенья, те судьбоносные уставы, чарующие и загадочные панорамы кои заводят взор в темные леса, пещеры потаенные, где чародейство дурманит пограничный разум, завлекая на неизведанные доселе тропы. И только светлый ангел выведет странника из тех чужбин далеких, десницею поманит и крыльями от сомнений защитит. В музее полудрема умиряет побужденья, она, неподвластная сравненью, красотой первозданно идеальной дарует жизнь, облегчает смерть призывным гласом всепрощенья.

Однажды, сей ангел встанет робко подле меня, возле постели умирающего старика, но, то будет лишь виденье, лишь портрет, написанный бесталанною рукою и бездарною душою воссозданный. И снова память опрометчиво мне рисует те из будущего воспоминанья. Она более не вопрошает о необузданном твореньи, о всемирном восхваленьи, низводит безмолвием громогласным, касается в кротости ладонью до моей груди. Но, увы, не вострепещет сердце ветхое, не хлынет кровь по венам залежалым, оно остановилось уже почти. И тогда ангел покой дарует сердцу моему, ведь оно любить так страдальчески устало. И взор мой потускнеет. Предомно лишь ангел белокурый, прощается или встречает, жизнь забирает или жизнь дарует, она любит, или... Освобождает.

*«Бескрылого надели полетом в резвости покорным,
Будучи сим заветом осененным я ниспошлю благую весть.
Образом весомо непокорным, но во взгляде томном
Прочту посланье свыше, ту заключенную в зеницах песнь*

*Музы с несравненной красотой в памяти и духе,
Благословленной первою звездою прежде и когда-то,
Зримо воплощается и доносится сладостно во слухе.
И на душе будто бы отрадно.*

*Взывая к состраданью источая благовонья,
Она прейдет негаданно в миг кончины поэтики безгласной.
Но промолчит, не выскажет упреки исподлобья,
Притворившись девой беспристрастной.*

*Вселенная зиждется во взоре притягательных иллюзий.
Беспрекословных почитаний в скоропостижности расставаний.
Улетает, вновь возродив во мне любовь иль сонм иллюзий.*

*То явь и истина, то сердце исповедует повестью слезных
покаяний».*

Озаренная благодатью мученица непоколебимо дремлет в чистоте небесной. Её несомненная невинность, её целомудрие чистейшее подобно белоснежному полотну, лишь художника истомно она заинтересует, но буйные очи коего будто не созданы для виденья столь сияющей, ослепляющей красоты. Творец замыслил так, что художник однажды склонится пред созданием Его, слишком велико творенье это, ибо каждый белокурый волос ангела, словно золотая нить. И не помыслить о прикосновенье к ним. Ведь она озаренная совершенством, обличает мою недостойность.

Предметы многие малы, но касаешься ты их, гребешок гладит завитки твоих волос. А я, родившись жалким человеком – недостойн, даже недостойн и в твою сторону смотреть. Но помню я те усталые глаза, словно жизнь в тебе оканчиваться медленно начала. Неужели я стал предвестником конца иль нового начала? Ты зачала во мне поэзии дитя, творчество – дар ангела благого. Пусть я страдаю, ведаю, те муки в радость обратятся. Когда во мне любовь проснется и отступит пустота.

*«Скользи по льду, словно по сердцу моему.
Мир верни моим устам, что в бреду
Глаголют шепотом – «Я люблю
Нежное созданье рожденное в свету».*

*Она продолженье естества в воспаленье вещества,
Лавой в сердце о ней зарождается моленье,
О присвоенье милости вящего жнеца
С даром успокоенья.*

*Встань подле меня, расправив крылья,
И я склонюсь пред величием Творца.
Вострепещу, но достаточно одного усилья
Для признанья, ради овладения тернового венца.*

*Но вот, свеча угасла, сумрак опустил чело.
И я ослеп, не видя ничего, рдеет знамя
Белый лист, белый флаг или крыло,
Оборки платья, словно пламя*

*Заключу в объятья ветерком рвущее дыханье,
Окину взглядом образок, воскресив воспоминанье.
Я поцелую воздух и изреку признанье.
Я воображением создам тебя, забыв о расставанье.*

*Научусь с тобою танцевать и свиданью тоже научусь,
Твою руку буду прижимать к груди для исцеления души.
Мы будем с тобою рисовать, печалиться я разучусь.
Власы твои позволь мне расчесать, иль предадимся молчанию
в тиши.*

Позволь прочитать тебе стихи

*Вдохновенные прибоем неги,
Не смиряются с утратой вопреки,
Позволь всегда мне быть с тобой вовеки.*

*Прозрев, ощущаю в объятьях пустоту, а на губах лишь холод.
На секунду реальность возвращу и вновь Мечту воспламеню.
Но не утолит воображенья любовный голод.
Подобно Творцу, из своего ребра тебя я сотворю».*

Созданная мной, неумолимо и быстрокрыло она спорхнет с десниц моих исхудалых и обрящет человеческую жизнь, позабудет святость, и только я напому деве райское ангельское происхождение её изначальное.

Ты словно светлый небосвод радуешь безоблачным покоем, твоя улыбка подобна радуге ланиты веселит, после обильных слез осадков. Твои глаза вечностью полны, ибо в них отражена душа. Но знай же, что я, не коснусь тебя никогда. Слышишь, никогда! Ведь нельзя ласкать святое, ибо ты гений красоты изящной, ума, и милосердия. Я коснусь тебя словами, кроткими рукописными речами, но грешной прелюбодейной плотью не коснусь.

Мой белокурый ангел, ты однажды оставила меня. Но надеюсь, умирая, жизнь земную единожды теряя, ты явишься ко мне тогда, когда я буду вдыхать воздух тот благоуханный, которым дышишь ты, и пусть мои глаза застынут, ты прикроешь веки мне, как будто я невольно сну предан. Тебя я не виню ни в чем. И на смертном том одре, я не коснусь тебя, по-прежнему я не оскверню святое.

Я тебя создал, или ты меня любовью сотворила? Когда я был юнцом столь простым и диким, в пятнадцати годах мои желанья и стремленья были как у всех, я желал познать череду свиданий, встреч и расставаний, бесед и чтений, поцелуев и прикосновений, но отринувши меня, ты обрекла на слезы плоть мою и душу. На сердце рвутся негодований грозы, раскаты гневных молний, криков грома, та холодность сковывает нервы. И в сокрушении этом, тебя я возвеличил неповторимо. Я лишь данность описал, что другим сокрыта. Полюбив тебя, умру я одиноким, девственным нецелованным невинным и не познавшим юной прелести свиданья, мои уста поцелуя сладость никогда не ощутят, умру я, сохраняя в сердце образ святой девы. Я умру, тебя не зная. Отныне я воспоминанье, призрачное бестелесное созерцанье, отныне в Вечности люблю тебя, как любил всегда.

Безмолвный ангел подле моей могилы, ты ли это или статуя всего лишь? Пристанище моё вне земли, но неужели вы позабыли обо мне, ужели заросла плакальщиц почитателей тропа?! Я верю, ты наведишь меня, и я почту тебя сонетом мой белокурый ангел.

*Уныние любви смиренной —
Бездонный неисчерпаемый родник.
И там весенним солнцем обожженный
Надежд кораблик таинственно возник.*

*Любви надрывные тревоги —
Сулят его блужданья и покой.
О нем ревнут сонмы музы боги,
А он их веселит тайной лирою игрой.*

*Вечно влюбленный одной лишь девой покорен.
Ее дыханьем зефиры надувает паруса.
Словно к кресту к ней навеки пригвозжден,*

В иных морях не бросая якоря.

*За всё ее сердечно благодарит,
Чествуя и радуясь каждому свершенью.
Громовержца породивший остров Крит,
И тот, ослабевает в слоге от смущенья.*

*Незабвенно взором ласковым пленила —
Гением прекраснейших очей.
Стрелу Амора в сердце мне вонзила
Сладостью и болью молчанья и речей.*

*Весною рождена, она весну явила,
Смысл миру даровав – любовь и веру.
Словно добрый дух себя в меня вселила.
Так позволь и я тебя согрею*

Не дланью, но душою...

Арина. – шептать я стану. – Мой белокурый ангел. Люблю тебя до скончания веков и в веках иных любить не перестану. Моя верность безгранична, а любовь безвинна. Да свершится. Да будет так.

2012г.

АЛЬТ

*«Я гений, но вы не poznали меня, я никто, и вы отвергли меня.
О я ничтожный гений!»*

«Я видел ангелов, я был среди них, слушал и внимал удивительным словам, что лились мелизмами тончайшими в сладчайшей гармонии с их уст. По внешнему обыкновению они стройны и имеют фарфоровую холодную белизну или теплоту загорелой матовой кожи, лики их чисты и непорочны, они явственный символ целомудренной невинности и девственной чистоты. Одеваются ангелы в красивые разноцветные платья. У них длинные или пышные блестящие волосы, невероятной красоты прически, кои грациозно касаются до их плечиков или свисают ниже крыл лопаток. Они приятно пахнут и нежны в обращениях, изящны в движениях, добры, снисходительны и сострадательны, не приемлют насилие ни в каком виде, отвергают всякую пошлость и нечистоту помыслов, они словно рождены для мирного счастья. Я видел тех ангелов, но их почему-то называли девочками. Минули года и я жил, учился среди ангелов, но их по-прежнему недостойно называли девушками. Я спрашивал себя – почему столь удивительные создания Творца называют так приземленно, почему я один возвышенно восторгаюсь ими, обожествляю их, вдохновляюсь ими, почему я один созерцаю их святость, а для других они просты и даже обыденно обыкновенны. Я отпустил волосы как у ангелов, но мои не были столь шелковисты, я пытался примерить их приталенные платья, но они не сходились на моей широкоплечей фигуре. Я тянулся к ангелам, я благоговел пред их кротким величием, стремился к их обществу дружескому, жаждал их внимания, мечтал дружить с ангелами, но они сторонились меня, обходя, гнушались моей дружбы, не верили в мою любовь. Должно быть, они боятся меня, за то, что я раскрыл людям их секрет, ибо они хотят жить как все, хотят быть среди людей. Но я сохранил их главную тайну, ценою ангельского тепла. Они по-прежнему будут дарить благодать и сострадание другим, я же, хранитель созерцания лишь умилюсь скромным незаслуженным видением.

Я видел ангелов, но они не видели меня».

«Девы – вы непостижимы, вы словно даруете своею жизнью смысл мирозданию, подобно цветам украшаете тернистый луг, вы вдохновляете голодных творцов и по вашей воле созданы величайшие произведения уединенного творчества или публичного искусства. Содрогание сердец предвосхищает ваше таинственное явление, порывы героических подвигов прославляют вас. Так славнейшие мужи, дрожжа и заикаясь, низлагают к вашим стопам ковры и шелка. К устам вашим прикасается пища богов. И в восторге этом, вы кротко взираете на все богатства мира, будто вовсе не корыстны вы, и готовы склониться пред одним лишь неказистым принцем, готовы свыкнуться с нищетой, с нуждой и жаждой, когда вокруг есть выбор куда как знатней и лучше. О устоите ли вы пред искушеньем? Дай вам Бог немного вразумленья, девство вечное и верность мужу, коего вы одного лишь знали. Храните честь свою во все века и тысячелетья, времена и поколения.

Но вижу я, как вы подобно мотылькам на блеск золота обманчивый летите, на украшенья удовольствий очи ваши устремлены, как в страстях страдаете, в золотых клетках изнывая, и погибаете вскоре в блудливом пресыщенье. Ведь глухи вы к мольбам поэта, бесчувственны к его возвышенным речам, ибо шорох платья, звон монет и крики блудного соитья вам куда милее писем целомудренной любви. Вы предаете плоть свою на поруганье, не брезгаете оскверненьем, ради мужлана дикого прельщенья. Вы слепы духом, потому не видите истинную любовь, а различаете лишь роскошь и достаток, и главное – молчаньем кротким вы обделены. Однако красота, весьма скрывает занавесом эти недостатки, и с надеждой кажется всегда,

что хотя бы одна разумная не погонится за счастьем плотским, за честолюбием и порочным восхищеньем, а обратит внимание своё на духовность, что выше всех веществ материальных и эфемерных.

В покойном лике молодой монахини я различаю ту праотеческую любовь, её фигура сокрыта черным одеяньем, сокрыты волосы её, только овал детского лица взирает в молении на образы святые, и ту беспорочную, первозданно искреннюю любовь она дарит не мужчине, но Богу предает красоту свою и ум, свои стремленья и мечты. И в деве той тщеславие погибло безвозвратно. В очах её лишь чистый светоч благовещения неизрекаемых стихир, неугасимый свет двух ангельских светил.

Мне отрадно жить средь вас, созерцая чистоту ваших сердец, а мысли пагубные оставляю навсегда, ведь вы столь недостижимо невинны для меня. Я буду верить в то, что целомудрие своё сохранила каждая из вас. Пускай, не всегда слова мои правы и достоверны, но отныне облеку святостью всех вас, и более не буду осуждать, лишь себя я буду ежедневно укорять.

Я вас люблю, о девы, прекраснейшие творенья созданные Творцом. Вы украсили жизнь мою, ибо в бесстрастье я созерцал духовным оком ваши образы неопишуемые в красе прекрасной.

Я вас любил, и, повременив с рассудком, мечтательно страдал, ибо дух твореньем неуголим. Я вас любовно созерцал, вдохновеньем жизнь испив».

Строки из дневника Мирослава.

Пленительным показалось Мирославу обучение музыкальной грамоте в узком кругу милых девушек. Поначалу, находясь в таком завидном положении, он сильно волновался, затем, как водится, его волнение переросло в сокрушение и раздражительную боязливость, отчего он долгое время представлял собой нечто целостно сентиментальное и воздержанное, и та нетребовательная скромность украшала его со всей претенциозностью. Однако не располагая мужественной наружностью и юношеским обаянием, не имея мудрого разума и задатков яркой гениальности, а главное, не излучая и проблеска уверенности, которые по девичьему мнению машинально заменяют все другие недостатки, он не вызвал бурный интерес среди искушенных дев. Он явно не подходил на роль фавна влекущего своей порочной игрой белокурых соблазнительных нимф. Но вопреки их интригующим желанием, Мирослав стался единственным молодым человеком в их творческом обществе, оставаясь упрямо непохожим на остальных молодых людей, единственным посреди весенних девушек.

Он не особо кичился своей половой принадлежностью, его, безусловно, нарекали юношей, но, то определение было только внешним маловажным аспектом общественной жизнедеятельности. Внутренней душой своей, он обращался к самому себе не исходя из имени, ранга или с точки зрения социального общественного самоопределения, а безлично, ведь каждый из нас обращается к самому себе – беспристрастно.

В то время как девушки виделись ему не такими скромными кокетками, насколько неточно их описывают взрослые авторы книг. Как впрочем, и мнения сверстников его ум также не удовлетворяли. Иные взгляды на девушек были вовсе какие-то материально обыденные, порою циничные, отчего оные мысли нескрывая указывали на ограниченность и закомплексованность сих мыслителей. Может быть, именно поэтому его уникальный взор обожателя побуждал лишь благословенное восхищенье и другие возвышенные чувства, кои не выразить простым слогом.

Пленение полуденного восторга владело его юной чистой душой. Музыкальный класс ему напоминал райский сад, где ему точно не должно быть, где он, блаженный созерцатель, героически испытывает свои праведные чувства на прочность. Всечасно считая себя полно-

ценно уродливым как телом, так и душой, Мирослав смог подавить в себе врожденное самолюбие окончательно, дерзнул одолеть тщеславие бесповоротно. Он смог обрести драгоценную нищету духа, и потому ныне взирал на девушек кроткими призрачными очами своими, благоговел духом единым, умилялся духовным оком трепещущим, и может быть, поэтому, они плавно и закономерно не замечали потуг его души. Кротость делала его почти невидимым, ведь девы так особенно бездумно любят в молодых людях говорливость, самоуверенность, горделивость, шутливость, их внимание увлекает сила, проявленная во вздорных поступках, а также их привлекает отточенная современная внешность высокопарной личности. Имея в наличии эти нехитрые характеристики характера, легко можно завоевать девичье сердце, вот только в сих аспектах низменных взаимоотношений не может быть обожествленной любви, поэтому дева будет обманута соблазнителем, не в первый и не в последний раз. А скромный Мирослав, попавший в цветник, не был садоводом, скорее оказался ветром дыханья, легким, почти незаметным.

Сохраняя бесценные юношеские сокровища, такие как девственность, достоинство духа и творческую честь, он часто испытывал недопонимание, болезненное волнение, когда, к примеру, девушка приближалась к нему чересчур близко, он панически отходил в сторону, отводил взор и робел. Порою самоотверженно страдал, думая о том, сколь приятны, могут быть, сей недоступные физические отношения. Но вопреки навязчивым доводам созревающей плоти, он отказывался от всяческих физических треволнений ради чистоты своих идеалов, ибо прикасаться к столь совершенным нежным созданиям грешно, он не позволял себе мысленно оправдывать такие злодеяния. Однако он видел повсеместно, как другие нагло оказывают к девушкам своевольную тактильную близость, и этот факт ему определенно не нравился. Поэтому Мирослав мыслил подобным поэтическим образом – разве можно трогать такую хрупкую красоту, которая создана для воздержанного созерцательного созидания, а не для грубого надругательства, то, что они творят – неоспоримое вероломство над совершенством.

Имея непреодолимую тягу к плодотворному творчеству, словно с самого своего рождения он возвысил неподражаемое творение Творца, посему героически млея, завидев нечто прекрасное, лобызал эфирными порывами зениц очей художника Его притягательные шедевры. Особенно в девах всё казалось ему идеальным, его привлекали радужные переливы их характеров, то нежные, то дерзкие, открытые и таинственные, веселые и меланхоличные, они повсеместно окрыляли его неопытное чувственное сердце, и в каждой из них было нечто обволакивающее теплое, родственно родное. Мирослава будоражили их улыбающиеся грустью лики, наполненные богородичной умиротворенностью. Ибо они не мучились мятежными революционными нравственными переворотами мира, не возносились на смертельную высоту небесных грез, они, напротив, одаренные гармоничностью и тонкостью черт души, сохраняли шаткое равновесие добра и зла в даре жизнеподательной одноликой красоты. Ему особенно нравились их нежные кисти рук, столь маленькие, но сильные, кои могут приласкать и в тоже время выдрать из души любящее трепыхающееся в последних воздыхательных судорогах добродетель. Мирослав часто представлял то, как та лоскутная ладошка однажды коснется до его щеки, и девичья теплота согреет и оживит его хладное сердце, бархатистость её ухоженной кожи дарует ему бессонный покой. В те мечтательные минуты он забывал все свои заветные предостережения на счет зазорности прикосновений, однако те мечты были по сути своей невинными, по образу жизни неосуществимыми. Он, обремененный врожденной непривлекательностью, обречен был созерцать только чужую красоту и восторгаться лишь ею одной. Отвергая всего себя, свои неразумные мысли, он целиком погружался в личностную божественность безличного творчества. Также он внимал нескончаемым диалогам девушек, кои каждодневно лились рвущимися звонкими водопадами в минуты утихания музыки, он восторгался дерзновенно, неволью внимая рассказам о событийности их жизней, словно живя их простыми стезями, наслаждаясь романтическими историями. А свою блеклую пастушью жизнь старался

забыть, предать на суд сублимационного забвения. Ведь чем дальше и быстрее текла слезным потоком его жизнь, тем отчетливей ощущалась бедность девичьей симпатии направленной в его невзрачную маловажную сторону, тем холодней временами становился и он сам, отчего обретал бескомпромиссную бесчувственность души с вялыми вспышками пугливых сердечных вдохов. Таким образом, девушки медленно, но верно творили из него эдакое бесполое мифическое чудовище, ваяли из него несокрушимый монолит одиночества, даже не подозревая о том судьбоносном деянии. Однако, будучи избранным творцом, довольствуясь не своими, но красотами мироздания, будучи телесно голодным, он насыщался романтикой духа. Чувствуя спазмы сердца жаждущего любовных свиданий, неукоснительных интриг и юношеской романтики, ждал всё это многообразье грёз познать, не теряя надежды, ожидал одну лишь встречу. Но та непреходящая сердечная боль скоро лишила его телесной подвижности, душевной жизнерадостности и сердечной чувствительности. Потому Мирослав жил лишь вдохновением, но сама жизнь, как разуменье или путь, его не вдохновляла, только нежные создания, вокруг него на нотах парящие, принуждали юношу жить, практически с одра вздымали, приятной пыткой влачили само его пребывание в данном пространстве и временном промежутке времени. Та поклонная зависимость от их благосклонности заставляла Мирослава вкушать пищу, она укладывала его ко сну, заставляя в бодрствовании и в сновидениях, с помощью плоти разумом души, непрестанно творить, как и впрочем, просто существовать.

Так родился и жил один гениальный уникальный творец, так замыслил рождение и жизнь божественный несравненный Творец.

Девушки в музыкальном классе обучались игре на различных музыкальных инструментах. Многие из них не без умысла ради сотворения музыки избрали хордофоны, иные выбрали для себя фортепиано или духовые музыкальные извлекатели звука. Так, десяток обворожительных нимф, усевшись вокруг, влекли Мирослава своей чарующей игрой в дурманной Парнас, где законорожденно правит сластолюбивый Амур, и он, наивный юноша, практически сломленный, окончательно прельщенный, внимал музам с почтительным воодушевлением.

Было время, когда ему было трудно избрать должное призвание в обществе музыкантов. Однако вскоре обширное древнейшее семейство хордофонов более привлекло его среди прочих родов музыкальных инструментов, особенно колебание тончайших струн, завораживало его нешуточное воображение. Ему нравилось древком с туго натянутыми волосками создавать магическую вибрацию, отчего созвучие нот лилось то плавно, то дерзко, интонировало то в романтизме веселого мажора или в трагичном задушевном миноре.

После чего учительница показала ему три главных инструмента: скрипку, альт и виолончель. Однако делать выбор между ними ему не пришлось, ибо для третьего хордофона звучащего в более низком регистре, чем скрипка, Мирослав был слишком мал и худощав по телосложению. Посему именно мелодичная скрипка стала продолжением его левой руки, с помощью которой юноша неумело выстраивал лиричные партитуры на грифе. Начальным навыком игры на этом музыкальном инструменте он овладел не сразу, точность нотной грамоты ему претила и заносила все старания юного музыканта в черный список. Вскоре, он, как истинный творец, оставил черствые ненужные изучения нот и гамм, а на сольфеджо даже не взглянув, дерзнул ополчиться против зловонного титана академии искусств, того пыльного наследия давно изгнанных стариков. Ибо чуткий слух его был куда обширней тех линейных партитур, многогранней, слух его не был столь зажат рамками дозволенного, столь податлив внушению извне, или страху перед общественным мнением, Мирослав всем творчеством своим излучал нравственную и творческую свободу. Ведь в творчестве разве могут быть правила или приемы, в творчестве есть только душевный порыв к таинству неземного творения. И потому Мирослав играл, соединяя удивительные звуки в палитру вдохновенных мелодий, он самочинно искал безмятежные бестелесные соития песнопений. Его музыка вибрировала то раскатисто громом-

гласно, то тихо и спокойно, его музыка была чудесно наивной, но недостижимо возвышенной и проникновенно сердечной.

Ибо слышать чувственно окружающий мир, видеть образно мир и описывать его словами поэзии нас научил Бог, ибо человек со дня Сотворения уже располагал оными венценосными божьими дарами, а не был отсталым, как принято сейчас считать в среде скудоумных академиков. Поймите же, наконец, что древние наскальные рисунки на камнях монолитах – это всего лишь детские первые наброски ребенка, а царь Давид, думается, музицировал не хуже современных оркестровых виртуозов. Возвышенные дарования ниспосланы творцам свыше божественным произволением. Таким образом, нынешние теологи подробно изучают изречения древних мудрецов, которые в ту пору не были обучены систематическому богословию, но обладали богопознанием, но Христом наученные жизни праведной, ныне поучают нынешние технологически развитые поколения совершенной морали. Отсюда следует, что познать материальный предмет легко, а познать нечто духовное, весьма непросто. Точно также без особого труда можно дернуть струну, но сыграть мелодию куда трудней.

Учительница музыки не ругала его за самобытность, но и не поощряла юношеское самовольство Мирослава. А девушки и вовсе не хотели замечать столь неуверенного музыканта, столь боящегося их внимания, этого неразумного гордеца, отвергающего академические знания былых поколений, вдобавок такого ещё юного, посему не систематичного в поведении человека. Зато, находясь в этой экзальтации, у него появлялось много времени на платоническое любование ими, на поглощение созерцанием их грациозных красот.

Любознание заставляло его внимать природным нотам, которые эгоистично демонстрировали собственный неповторимый темперамент, незаменимые в высоком едином характере, они вторили голосам, всплеску воды, завыванию ветра, биению сердца.

Временами ему казалось, что девушки одарены особенным чутьем слуха, коего он лишен, особенно балетная тонкость их пальчиков и врожденная аккуратность, та всесторонняя женская щепетильность, позволяли им, толком не задержавшись на заданной теме, достигать следующую ступень мастерства. Оными физиологическими особенностями девы легко извлекали стройные гармоничные звуки из своих музыкальных инструментов. Мирославу нравились их плавные умеренные движения, их сентиментальные беседы, причем они могли с легкостью играть и разговаривать одновременно. Он часто самоотверженно внутренне сопереживал их беззаботному смеху и обременялся их малыми печальми, те горькие победы и славные поражения случались с ними каждодневно, те сокровенные чувства и откровенные мельчайшие эмоции ежесекундно выражали их милостивые личики. Бывало, обыденно для самой себя, одна из музыкантш начнет невольно поглаживать свою ручку, или проведет пальчиками по лебединой шейке, и тогда две жилки и впадинка посередине неминуемо завладеют возбужденным взором созерцателя, и юноша весь вострепещет, скоропостижно, надолго. В те мгновения взора в нем засыпала всякая возможная разумность, и просыпалось умиленное любовное наитие. Бывало ещё, что одна из девушек вставала возле зеркала и начинала расчесывать свои длинные ухоженные волосы, она словно гладила золотые нити русалочьим коралловым гребешком. Или же принималась поправлять свой со временем ослабевший макияж, кое-где стертый неловким ветерком, она прикосновением ослабляла томность своих век, раскидистых ресничек, и розоватых мягких губок с еле заметными трещинками линиями. А замороженный юноша тем временем умозрительно проникнется теми хитрыми манипуляциями девичьих рук. Но больше всего ему нравилось их кроткое молчание или веселые всплески безудержных эмоций. Оные нежные создания, словно подтверждали правдивость христианской веры, ведь духов доброты, оказывается, можно воочию лицезреть, отчего ангелы больше не казались ему мифом, а музы более не были плодом воображения. Ведь девы столь красивы и умны, и, несомненно, эти отточенные контуры женственных фигур покоряли его юношескую плоть, а свет их душ возрождал в нем веру в многообразность Вселенной.

О сколь благоговением трепещет сей юноши душа, потому невоздержанна в эпитетах словесных, в аллегориях недозволительных. И свое исполненное вздохом восхищение Мирослав мог выразить только с помощью живительной музыки.

Однажды, неожиданно-негаданно, в музыкальный класс поступила новая почитательница гения Амадея Моцарта, завистница прогрессивного Антонио Вивальди, наперсница романтического Фредерика Шопена. Девушка всем сразу показалась весьма занимательной особой. Словно венецианская принцесса она претенциозно вошла в помещение консерватории, освещая несколько затемненное пространство помещения своей сверхновой хлынувшей кристальной чистотой. После, она долгое время пристально изучала немигающим взором затаенное окружение. И те лучи ослепительного катарсиса её очей, да будет вам известно, судьбоносно достигли поверенного чутья Мирослава, сидящего укромно в темном уголке, изображающего по указанию учительницы скучную линейную разметку для нотной грамоты. Эта новоявленная юная богиня, не сотворив ни одного пассажа реверанса, представилась лаконично, но царственно – Мария. Однако нужно помнить, что не все цветы имеют имена, не все наречены знаменательным именованим, но будучи безымянными, все они одинаково прекрасны. Затем молнией чуда громыхнуло нарастающее в своей безжалостности мгновение. Красота новенькой девушки мгновенно не щадя сожгла всякое насущное разумение Мирослава, низвергло его некогда казавшееся ему высочайшим чувство. Отныне он глядел в бездну обреченной низости своей доселе прожитой в праздности жизни, насколько же оказывается, он ничтожен по сравнению с одним лишь её невидимым неосязаемым вдохом. Одна пылинка с тела девушки, ценней для мира всего его слабого существа. Она даже ясно видится ему духом плотным, настолько обезумело сердце юноши, или, вовсе наоборот, обрело, наконец, должное чувствование присутствующее человеку искренне полюбившему. Как бы то ни было, с сего памятного дня он смотрел исключительно только на неё одну, и видел перед собой только её незабвенный облик.

В белом сарафанчике современного покроя, больше похожего на ночную сорочку, собой она напоминала свежую распустившуюся лилию; волосы её, нежно касающиеся плечиков опоясанных кокетливыми бретельками, имели разные пряди, светлые и темные. Девичьим гладко мраморным личиком ангела она являла собой оплот скоропалительной в деяниях доброты и кладезь покорного сострадания. Но в ней со всей беспощадностью фатума уже начала выступать высокомерная женская натура, тот искусственный нарост сознания, созданный культурой общепринятой светским обществом, ибо приобретенная тяга к материальному достатку есть не что иное, как страстная врожденная привычка, в то время, как врожденность личного нравственного развития не может, по сути своей, располагать корыстными целями. И может быть, поэтому, имея стремление к обогащению, в том числе и к обогащению эмоциональному, суетные девушки не замечали присутствие Мирослава в их жизни. Ведь от него нечем было поживиться, ни диалогом, ни подарком, ни лаской, да и творческие способности сего юного музыканта, снисходительно говоря, всегда были весьма слабы по силе самовыражения. Таким образом, со всей своей явственной неподкупной бедностью, в сочленении со слабостью своего таланта, он стался незаметен для музы, ведь Мария столь незабвенно любившая играть на фортепиано, казалось, не усмотрела в нём ничего примечательного.

Для Мирослава стался неожиданным её выбор музыкального инструмента, он зримо с тягой к фантазии мысли часто представлял девушку за утонченной арфой, инструментом столь мифически завлекательным, сходным с предметом прихоти юных царик, нежели за фортепиано. Однако двухцветные клавиши покорно слушались нажатия её властной подачи. Издавая сказочные по унисону звуки, Мария тем самым ласкала слух и сердце Мирослава, в тот миг она словно преображалась в весталку с прельстительной аурой сирены. Та совокупность красоты, изящества и таланта творили осязаемое духом подобие живого идеала, пред коим видишь себя крайне недостойным, пустым и даже жалким.

Однако его зримая муза, помимо божественных дарований, помимо творческих талантов, имела ещё и земные бранные дольства и желанья. Так, например, к Марии часто после музыкальных занятий наведывался молодой человек дерзостного вида. Её ухажер был вполне самоуверен, как полагается, смешлив, остроумен, нескромен, общителен, зачастую болтлив, эмоционально разносторонен, потому нисколько не замкнут. В общем, он представлялся Мирославу простым среднестатистическим юношей, который жадно поглощает теплое девичье внимание, расточая все свои нахальные силы ради одной порочной цели, и, к сожалению, тот в своих действиях был вполне удачлив. Мирослав невооруженным взором приметил докучливое обстоятельство, говорящее о том, насколько несправедливо такие безнравственные юноши очень нравятся девушкам. Но те варвары не почитают девушек внеземными ангелами, вовсе наоборот, они различают в них обыденное плотское подверженное инстинктам создание. И видимо потому столь легко обижают их, или хуже того развращают их, отчего могут причинить им боль моральную, либо физическую, и что самое абсурдное, девам это недостойное обращение порою приходится по нраву. Те наглые юноши пышут здоровой физической силой, они дорожат ею как своим единственным важным достоинством, хотя на самом деле, уже давно потеряли всякую рыцарственную честь, ибо они безжалостно бездумно убили свою невозвратную девственность. Потому что царский титул девственника для них звучит как оскорбление, отчего они влекутся к девушкам, чтобы удовлетворить свои искусственно созданные животные потребности, они склоняют нежных созданий к своим алчным порокам. Однако девушки осознают безрассудство этих липких обманов, но, по неизвестной Мирославу причине, по-прежнему безропотно лнут к мужественным похотливым плечам варваров, словно девам по нраву та грубость лживых крепких объятий, наглость громких речей и невоздержанность блудливых помыслов.

Мирослав, в отличие от многих других юношей, олицетворял романтическую поэзию образом своей жизни, будучи поэтом по духу, он не походил на тех коварных кавалеров. Видя весь цинизм современности, ему всегда было искренно жаль девушек.

В свою очередь, Мирослав не располагал тем внутренним перечнем тех внешних качеств, кои любят девы всех возрастов и сословий. Временами ему становилось боязливо созерцать то, как Мария, отворяя входную дверь вестибюля, уходит с тем задиристым молодым человеком, который скорее всего в очередной раз непростительно обидит её, беспощадно воспользуется доверчивостью девушки. Ведь он явственно не чувствует к ней ту возвышенную скромность, которую чувствует Мирослав. Тот безбожный молодой человек не боготворит её, и тем паче не собирается посвящать ей свои гениальные творения. В то время как он, вдохновенный Мирослав, готов всю свою жизнь петь для Марии дифирамбы чистой невинной любви. Готов восхищаться ею на протяжении всего своего жизненного пути, готов никогда не прикасаться к её пресветлому девственному телу, дабы не осквернить столь святое непогрешимое создание. Готов никогда не смотреть на других девушек, он всегда будет отводить свой взгляд от них, дабы не заронить в своей возлюбленной семя жгучей ревности. Готов отдать ей всё, что он по праву считает своим, готов подарить ей всю свою жизнь безвозмездно. Но будучи с рождения бескрайним романтиком, давая такие смелые клятвы, он был обречен на вечное одиночество. Ведь, как правило, нежные создания в небесных платицах любят дарить свою умеренную ласку и безмерную нежность, тем, кто более всего достоин их внимания по самому строжайшему моральному смыслу. Мирослав, часто переживая этот парадокс, сожалел о дорогой ему Марии, отчего он зачастую кричал струнами скрипки о той неслышанной несправедливости жизни. Молчанием своей речи безутешно соболезнавал, оплакивал украденные минуты радостной юности.

Сколь впрочем, и все другие девы не уступают друг другу первенство всеобщности заблудших интересов. Безусловно, все они красотою и талантами различны и уникальны, но,

увы, к сожалению, поведение их и желания имеют логическую схожесть, словно ими движет единое чувство вечно неудовлетворенной материальными благами толпы.

Полюбив Марию, как священную невозмутимую музу, как недостижимую звезду, он намерился прибрежной волной романтики льститься её спасительным светом, пожелал находиться в её монаршем обществе всегда. Посему вскоре, преодолев, или точнее приглушив страхования своей неудобной застенчивости, неспешно подошел к владычице своей души, начав шепотом говорить ей следующие кроткие словеса. Он порою заикался, отчего девушка часто переспрашивала и хмурила свои бровки в знак непонимания.

– Вы прекрасно музицируете. Отчего мой дух благоговейно трепещет, внимая музыке создаваемой вами. И я бы хотел также как и вы извлекать волнующие душу звуки из своего музыкального инструмента, дабы однажды удивить вас. – тут он глубоко вздохнул и мучительно любовно вымолвил. – И я смею любить вас.

На минуту в атмосфере класса повисла вопросительная тишина.

Известно, что игривые малодушные девушки иногда ради шутиливой забавы, начинают играть со своими неопытными поклонниками, которые будучи бедными глупышками, с этой явностью женского вердикта никогда не поспорят, и не заслужат согласие девы на создание пары. Поэтому в очах Марии, Мирослав в тот момент выглядел маленьким инфантильным мальчиком, который не желает или не может быть как все другие юноши, он будто не хочет взрослеть, он отвергает взрослые радости плоти, потому он видится ей таким безрадостно несчастным, таким бесповоротно одиноким. Но жалости к нему в девушке нисколько не было, её больше интересовала своя собственная жизнь, нежели чем чужие сетования и горестные неудачи в личной жизни.

– Смеее любить меня, а я поначалу думала, что вы скромны в чувствах. – со смешливостью в голосе произнесла Мария, но Мирослав явно ожидал иную интонацию в её ответе. – Но так и быть, позволю вам заворочить меня. Извольте удивить меня, заинтересуйте меня. Сыграйте настолько пленительно, насколько возможно человеку, чтобы сердце моё обратилось в вашу невзрачную сторону. Пусть сама музыка создаст во мне ответную любовь к вам. – сказав сей загадочные остроумные пожелания, девушка отвернулась от него, вернувшись к изучению венгерского вальса.

С той самой минуты надежда милосердно зародилась в юном гении, даруя тому великую цель и предвосхищение королевской награды. Ему необходимо было всего-то навсего научиться превосходно музицировать, виртуозно играть на скрипке. На это обучение, увы, звучит мелодраматично, потребуются десятилетия, отчего его молодость определенно канет в Лету. И та юность станет достойнейшей жертвой, которую он возложит на жертвенник любви, ибо Мирослав потеряет то, что уже будет не вернуть ни золотом, ни серебром, ни добром, ни злом, ничто и никто не вернет его упущенные годы младости. Но для великой любви это всё будет безоговорочная мелочь. Вдобавок к этому он утратит покойный сон, а его пальцы будут обильно кровоточить, окропляя соком теряемой жизни затертые струны. Крепко сжимая лады, он омоет свою скрипку красной влагой, и может быть тогда, его любимая безжалостная скрипка заиграет с удвоенной мощью поднебесной трогательности. Ведь скрипка, на самом деле, не играет – она плачет. И те искренние слезы должны будут умиловить возлюбленную девушку, та музыка должна будет покорить Музу, что впала в его юное сердце столь глубинно, невозвратно, неизгладимо, слилась с его сердцем воедино.

Таким тяжким изнурительным образом упражнялся в игре, отныне, Мирослав постоянно, но по большей части безрезультатно.

Как он и прозорливо предвидел, многое изменилось в его жизни, с того решительного дня его душа пламенно начала страдать от неразделенности копившихся чувств, а тело перенапрягаться от непосильных творческих перегрузок. Ибо он потерял всякий аппетит и тягу

к здоровому сну. И вот однажды, сильно подавленный собственной ничтожностью, в конце занятий в музыкальном классе, он робко подошел к Марии и деликатно поинтересовался у неё:

– Какую великую композицию вы бы хотели услышать в моём исполненном любви исполнении?

Девушка игриво задумалась, но затем выпалила свой ответ, при этом неискренно улыбаясь:

– Сыграйте что-нибудь из мною любимого Моцарта. Его «Реквием» – мне думается удачный выбор композиции для вашего исполнения и в целом она отлично характеризует вашу личность.

– Но это очень сложное произведение и весьма грустное. Неужели печальные ноты воспаляют в вас высокие чувства? – вопросительно проговорил удивленный её выбором Мирослав.

– Я надеюсь на ваше благоразумие. – коротко ответила ему Мария и засмеялась звонким херувимским смехом, ибо сей музыкальное сочинение предельно точно соответствовало её истинному отношению к этому кроткому юноше, в отношениях с которым ей слышится вопль разлуки и ничего более. Или же она просто-напросто подобрала композицию, подробно описывающую самого одного унылого музыканта, посмеявшегося посягнуть на внимание прекрасной музыки.

Однако смысл реквиема заключается в надежде, в надежде на блаженство воссоединения с умершим любимым. Это надежда воскресения. Но, увы, Мария всего этого богословия жизни не понимала. Не силилась уразуметь простые романтические истины.

Девичья холодность к романтику, столь меланхолично одинокому и сдержанно созерцательному, заимела внезапно пагубный характер, ибо юноша более не получал от Марии степенную ответную реакцию на свои воспитанные всплески испытываемых жизнью любовных чувств и потому много страдая покрывался бессонной коркой льда отчужденности. В то время как другие девы, обольщенные привычными для них самоуверенными ухажерами, не привечали его всплески затяжных прельщений или несвойственных разуму умилений в сторону одной особы. Неужели Творец всё столь немислимо замыслил? Когда одни из мужчин, они же нереализованные в творческом плане, будучи пустыми по натуре, потворствуя греховному естеству своему, выдумают себе животные инстинкты, дабы с помощью того обмана с легкостью довольствоваться женским покладистым вниманием. Тогда как умнейшие скромные творцы будут истово разрывать своё неумолчное сердце на клочки, превращая их в книги, картины и музыку. Они, творя на возвышенных полутонах парадиза наравне с духами вселенскими, будут посвящать своим любимым девушкам все свои гениальнейшие творения, но не сыщут хотя бы горсть женского тепла. Писатель, художник или музыкант прославит свою любимую, сохранит её чистый образ на страницах, в мазках или в нотах. В то время как её злопыхатели-почитатели будут отнимать у неё бесценную невинность, а она, наивная глупышка, будет дарить им свою безмерную ласку. Она даже не заметит того, как верно-любящий её творец однажды умрет одиноким, ибо он единственный воистину ведаёт о том, что на Небесах ему уготовано заслуженное блаженство, которое на земле ему не было дано, то блаженство ответного взгляда. Видимо всякий творец по сотворению Божьему, призван страдать гласно в молчании звуков, рисунков и слов, великая слава и вечная память вменяется ему за нищету земную. Видимо житейские семейные радости это слишком малозначительное бремя для гения. Творец однажды духовно перевернет весь мир, а те малозначительные похотливые люди лишь родят себе подобных. Девственник не оставит потомков, но чужие дети будут помнить его как своего крестного родителя, ибо он отворит для них райские врата прекрасных сердечных тяжб, они воспитаются нравственным учением творца, потому в их душах воцарятся гены его мыслей, которые вытеснят родительское пустословие. И ревностно размышляя о том, Мирослав не завистливо всматривался в по-весеннему наливное окно, сквозь стекло, видя гуляющих

по улице пары влюбленных, нежно прижимающихся плечами, те неспешно шли вдоль распускающейся планиды цветов и трав. Затем, в немой тревоге, отбрасывая лишние несбыточные думы, он вновь брался за охлажденный смычок и начинал отрешенно от суетного внешнего мира с неистовой нежностью гладить красные струны древесной скрипки.

Единственным способом воспламенить взаимную любовь в Марии к нему, было создать для неё нечто, несомненно, великое – так думал Мирослав. Но если она в пылу подросткового максимализма и инфантильного недовольства отвергнет его новоиспеченное высочайшее в истине творение? То тогда он будет обречен на мрачное пожизненное одиночество, на погребение в могиле собственной неудачи, невозможной ошибки, неосуществимой мечты. Только такими роковыми тропами плутала судьба юного гения. Но не только сей юноша, но и каждый творец, представляя рай, мыслит о том, что, будучи пред престолом Божьим, возымеет Его милость и будет творить на небесах так, как он когда-то творил на земле, прославляя Творца и Его чудесные творения. Однако Мирослав по летам был юн, и пока не мыслил о том бытие потустороннем, и даже когда жизнь ему становилась в тягость, он по-прежнему творил мелодию, но временами ему казалось, что его музыка бесполезна миру. И более всего юношу мязежно душил один важный скорбный вопрос.

Он хотел бы встать посреди всех девушек мира, направив свой властный ораторский взор на Марию, и огласить вопросительным тоном такие слова: «Девы, способны ли вы любить? Мария, способна ли ты любить? Способны ли вы ночами не спать, чтобы творить произведения искусства ради прославления светлого имени любимого человека? Будете ли вы писать длинные любовные письма, которые станут без ответа? Готовы ли вы своё целомудренное девство хранить на протяжении всей жизни, не ведая таинства поцелуя посреди постоянных искушений, ради верности покорной? Будете ли вы верны тому, которому безразличны ваши добродетельные подвиги непорочности? Способны ли вы преследовать любимого человека повсюду, всюду искать и терять, находить и вновь терять, и видеть при встрече лишь холодный бесчувственный взор? Станете ли вы плакать каждый день и грустить каждую минуту своей жизни? Готовы ли вы ради любимого человека потерять свою молодость, красоту, здравый ум, готовы ли вы отдать всю свою жизнь, тому, кто вас не любит? Способны ли вы целомудренно любить без прикосновений и страстных вожделений плоти? Готовы ли вы годами создавать произведение своего сердечного творчества, дабы подарить сей плод любви любимому человеку, раскрывая тем самым полноту души своей томящейся в чертогах нераздельных, и в итоге снискать в ответ, лишь презренное молчание, тот гнев унижающий, словно хладный лёд вместо теплой воды? Готовы ли вы вкусить сей плод романтической любви? Ответьте же. Ведь вы называете себя морально сильными личностями, но это выглядит так, лишь потому, что вы панически сторонитесь трудностей и невзгод, сторонитесь излишних романтических переживаний. Романтично ли ваше сердце? Вы словно красивые картинки, жадно желающие заполучить окантовку золотой рамы, мечтаете о том, чтобы с вас сдували пылинки, развешивая по стенам дворца, и восхищались вами, вздымая головы вверх. И видя весь этот феминистический материализм, чувствуя ваше безразличие ко мне, я порою делаю вывод – что вы вовсе не способны любить. Но это не так! Разубедите меня, зародите во мне сомненье! Я вероломно не прав! О как бы я хотел ошибиться и здесь. Ведь вы, также как и я, образ и подобье Божье, посему любовь есть ваша суть и ваш смысл жизни. Однако слабость ваша заключается благочестиво в застенчивости и губительно в пресыщенности. А девы, вступившие на отвратительные пути порока, гнусно потерявшие девство при блудодействе, скоропостижно изменяются в лице, черты их лиц становятся хитро алчными или уныло яростными. Другие этого не замечают, но я вижу, и мне искренно всех вас жаль.

Прекрасная Мария. Напоследок я бы хотел напомнить вам о пагубе избыточного довольства, ибо вы в свои столь юные лета избалованы мужским вниманием. Потому вы с легкостью отвергаете одних, ещё легче принимаете других. Вы осознаете правдивость моего обли-

чения этого недостатка превращающегося в недостаток, потому мои творения желаете предать огню гнева, ещё до того как они посетят вашу душу. Мои слова любви, для вас, Мария, незначительны. Но помните, всегда, что значительность девы в её девственности. Помните о том, Мария, что существуют романтические девушки, для которых одно сентиментальное письмо это целая мечта, они мечтательно желают увидеть хотя бы один взгляд молодого человека, обращенный в их сторону, и в той нищете отношений они чудно очаровательны. И я даровал вам так много вздохов и взглядов, пожертвовал всё это лишь вам одной, после чего вы не сможете не замечать меня. Прошу, дорожите тем вниманием, что столь щедро вам даруется. Мария, выслушав мои проповеднические заверения, надеюсь, вы уясните, наконец, сколь велики мои слова любви, кои, как и вы, бесценны».

Однако Мирослав естественным образом не огласил во всеуслышание свои созревшие в беспокойной тоске оные мысли, а вновь принялся за мучительную игру, дабы куда тщательней изучить и запомнить труднейший шедевр прославленного Моцарта.

Протяжный плач скрипки походил на девичье рыдание, доносящееся над заросшей бурьяном могилой возлюбленного неизвестного поэта, потому, страдающий юноша, настроенный на благообразную взаимность со стороны возлюбленной, заключал в себе стремительную надежду, отчего более склонялся к альту, к той золотой середине между скрипкой и виолончелью. Но учительница музыки не хотела приобщать его к сему сложному и тяжелому по весу музыкальному инструменту. «Ты пока что слишком мал для альты» – неуступной говорливостью твердила она, а он, в свою очередь, жадно бросал тусклый заостренный взгляд с мерцающим алмазным блеском гениальности на недостижимый предмет своего творческого порыва. К сожалению, выбор музыкального инструмента не представился ему так скоро, как хотелось бы его упрямой экспрессивно-экзальтированной душе творца. Посему Мирослав по-прежнему упражнялся в создании музыки только на скрипке, изрядно ворочая в гробах всевозможных композиторов.

Известно, что юное тело и юная душа молодого человека, обладают более быстрой регенерацией, нежели чем у взрослого человека. Будучи юным, Мирослав сносил безропотно все потаенные обиды и нескрываемые укоры судьбы с изрядной отстраненностью сил. Ибо выплеск своего таланта перед одухотворенной Марией, ещё не был им произведен на свет земной.

Но вот миновали многие месяцы непрерывного обучения. И именно в этот день Мирослав с непредвиденной готовностью трубадура готов был в сию же минуту покорить девичье покорнейшее сердце, овладев лишь одним монотонным лирическим мелизмом.

Сегодня он оделся в чистое белое белье, приобрел и натянул на себя пепельного цвета брюки и облачился в заштопанный в трех местах сюртук. Он дочерна начистил свои ботинки, так что в них можно было увидеть свое некрасивое отражение. Расчесал свои курчавые волосы на две равноправные стороны, и, в общем, стался весьма презентабельным молодым господином. Уложив скрипку в продолговатый черный футляр, Мирослав немедля помчался напрямик к дому Марии, испытывая на ходу легкое головокружение и поддёрнутое нетерпение. Девушка жила неподалеку, её квартира располагалась на третьем этаже трехэтажного дома. Он достоверно узнал этот неопровержимый маршрут у чересчур откровенной доверчивой учительницы музыки, посему он часто приходил поглядеть в часы отдыха и заживления сердечных ран на то, как в сумраке зажигается окно маленькой комнаты девушки, где он никогда не был и даже не мечтал побывать. По дороге Мирослав никого из знакомых не повстречал, значит, не были слышны лишние расспросы по поводу его внезапной прогулки, впрочем, поддержки в этот миг ему хватало. Отчего Мирослав явственно волновался перед главным выступлением в своей жизни, ведь серенада это дело нешуточное, дело грандиозное, полномасштабно жизненное.

Испытав высокомерное возбуждение духа, он только сильнее разволновался, когда увидел заветный балкончик Марии. Чувствуя нарастающее биение томящегося в избытке чувств,

практически сломленного сердца, он готов был в сию же секунду призвать саму смерть, дабы унижить её вечной жизнью своей истинно безответной любви или же готов был нынче умереть искренно любя, лишь одну девушку. И в вечерних сумрачных тенях, когда всё живое утихает, обретает немного покоя после тяжелого будничного дня, он, охваченный десятком пестрых ощущений, вздымаемый стихией идеализированной импровизации, робко отворил свой скрипичный саквояж. Затем, как положено, взял свой музыкальный инструмент в руки. В это мгновение даже кончики его пальцев до самых ноготков боязливо тряслись, мешая сконцентрироваться на будущей игре. Смычок дрожал и неуверенно колебался.

Мирослав застенчиво сыграл первую ноту. И тут произошло неожиданное непоправимое событие. Одна из струн скрипки предательски оборвалась, она, словно отомстила музыканту за все те часы надругательства над нею, или просто-напросто не вытерпела большего физического напряжения. Испытывая обреченный страх, гений музыки уронил скрипку напрямик на твердый асфальт, отчего инструмент тошнотворно ударился о поверхность черного палача. Барабан скрипки покорежился, и трещина впредь зияла вдоль всего инструмента, словно неизлечимая рубящая рана.

Ощущение могильной эпитафии всего сущего и чувство больной немой эпилепсии души неизбежно настигли Мирослава. В это мгновение он с невоздержанной грустью в глазах, смотрел на балкончик своей возлюбленной Марии, но муза не показывалась в окошке, может быть, она не услышала те звуки рвущегося трагизма струн его скрипки и его души. Теперь, по-видимому, она никогда не услышит ту несбывшуюся серенаду и никогда не полюбит этого неуклюжего музыканта. То уничтожающее всё живое уныние, подобно адскому огню, вырвавшись на свободу, сжигало его плачущее кровавыми слезами сердце. Однако, Мирослав, обремененный оными великими страданиями, венценосным лавром осенился гениальной немислимой никем ранее мыслью. То была идея любящего безумца, ибо для любви нет ничего невозможного, и то безумие должно было обернуться чудом, настолько реальным, что поверить в него было весьма просто, непринужденно легко.

Отбросив нападения злостного отчаяния, Мирослав снял пропитанный стеснительными выделениями кожи сюртук и швырнул его подальше от себя, дабы ничто не стесняло его созревший черным тюльпаном замысел. Расстегнув пуговицу рукава, он обнажил левую руку до локтя. Затем, взглянув ослепленным взором гения на свои пульсирующие вены цвета морской волны, он, ничтожный слуга небесных муз, божественными очами своими чудесным образом увидел их самыми настоящими струнами, такими натянутыми и животворящими. Выпрямив руку, он натянул те голубоватые с зеленцой струны, бесхитростно приложил смычок к лучистой мышце руки и начал медленно исполнять начало величественного Реквиема.

Мирослав ощущал легкое жжение на покрасневшей коже руки, поступающую мелкими коликами боль, и воодушевление сравнимое лишь с актом душевного творения. И тут он услышал, как из недр его телесного инструмента зазвучала дивная ангельская мелодия, гармония нот начала переливаться яркими красками чистого непревзойденного эфирного звучания. Обрадованный, он искренно в тот миг исполнял гениальную композицию, посвящая свою музыку любимой Марии. Ведь девушка, должно быть, сейчас слышит его оркестровую игру по силе звучания, и восполняется его чистой любовью до предельных краев. Ибо его кровавая музыка облекалась в силуэтные слова, его сферическая музыка изображала невообразимые картины и воображаемые образы, его музыка была флорентийской платонической поэзией. И вся та совокупность наивысшего творения проникала в атомы жизненно необходимого воздуха, которым дышит каждый живой человек, способный любить безвыгодно, безысходно, имеющий в груди своей любящее отравленное и израненное безответной любовью сердце.

Божественная композиция постепенно убыстрялась, звуча органично, задушевно. Вибрато поражало извлечением сложнейшего аккорда, подобно штормовой волне снося всё на своем миссионерском пути. И когда его собственный телесный альт заиграл заглавную

крестную компиляцию – «*никогда не умирай*», подобно призыву бессмертной души человека, о несокрушимой вере и путеводной надежде. Внезапно инсценировка совершенной стези добродетели стала нарушена.

Ужасная боль пронзила руку Мирослава, сокрушив парящее мечтою безвоздушное тело юноши. Его телесные струны внезапно порвались, но по-прежнему лихорадочно звучали, сохраняя умирающие ноты на концах обнаженных разрывов. Так произошло оттого, что с каждым очередным волнением карающего смычка, древко вонзалось в разгоряченную плоть юноши всё глубже и глубже. После чего кровь потекла из тех ран струйками солоновато слезными, а несломленный смычок окропленный багровой влагою мук титанического творчества, был безжалостным как само искусство, которое не щадит живых творцов, но чтит мертвых. И нераздельно влюбленный Мирослав, преодолевая невыносимую пульсирующую боль в руке, замороженный трагедийной музой игры, плакал, робел, и в то же время испытывал на себе великую силу музыки, создаваемой ради сотворения плода любви. И ради той крупницы любви он готов был пролить свою кровь, даже испустить дух под балконом любимой, лишь бы доказать ей свое сердечное благоговение.

Серенада Мирослава родилась на свет Божий чудесной, великолепной, мгновенно вечной как всякий любящий деву взор, настолько искренно пылкой, что перед оными влекущими чарами не устоит ни одна дева, лишь раз услышав столь лиричную мелодию, в молчании не останется ни одно девичье сердце. И в том живом произведении, словно не было уничтожающей смерти, не было заунывной печали, а утверждалось лишь первозданное начало всех начал, или же нечто новое вскоре должно было заменить изжившее себя старое. Только надежда на воссоединение с любимой душой является корнем Реквиема, то надежда на истинность вечной любви.

Однако всякое сочинение должно когда-нибудь окончиться, рано или поздно приняв спасительный исход.

Изнеможенный Мирослав, обезвоженный от щедрого выплеска любовных чувств, склонившись на колени, издал последний душераздирающий крик своего окровавленного телесно-душевного альта. Затем смычок устало выпал из его правой руки. Однако его дивная музыка не затихла, она, словно туман повисла плодовитым эхом над растревоженными небесами. А левая измученная десница юноши уже не так обильно кровоточила, потому что уже вдоволь излила некогда умиротворенной жидкости. Сейчас она повисла повешенным невинным каторжником, временами немея и вздрагивая фантомными судорогами.

Склоненный удовлетворенной усталостью плоти, поверженный фееричным высвобождением души, юноша смотрел на затемненное окно любимой девушки, а оно в ответ чернело тьмою безграничной, или таковым ему виделся влекущий свет потустороннего мира ночных сновидений, ибо и гениям рано или поздно суждено будет покинуть замкнутые, но прекрасные пределы этого мира. Неужели и гении умирают? Или смерть это всего лишь еще одна фантазия безначального вечного Гения.

Далее, прибывая в некотором гипнотическом трансе сомнамбулы, он уже не помнил, как добрался до своего родного дома, как перевязал размытую подтеками рану и улегся спать. То были нечеткие фрагменты реальности, фантастические обрывки фантазии, которые невозможно было собрать помутневшим сознанием в долговечное единое воспоминание.

Утром, бесчувственно покоренный слабостью Мирослав не торопясь встал с проваленной кровати. Переодеться из-за палящей боли в руке оказалось делом невозможным, так как, некогда бывши телесными струнами, вены сильно вздулись, а сама его покалеченная длань сильно онемела. Снимать бинты он не пожелал, ведь зрелище определенно представится болезненно удручающим. Отчего музицировать долгое время он явно не сможет. Но отношение Марии ко вчерашнему музыкальному таинству он пожелал узнать. Интересно же, насколько душевна, вышла его сумеречная серенада?

Придя в музыкальный класс, он не строил ряды всевозможных догадок насчет своего вчерашнего успешного выступления, будучи, несомненно, уверенным в предстоящем необузданном девичьем трепете перед его гением. Даже к поклонению перед его жертвой был готов, к восхищению несравненному таланту вчерашнего исполнителя.

Но как полагается в школьном уставе, для начала он показал учительнице свою забинтованную травмированную руку, сулящую безвременный отдых от творческих занятий, весьма заслуженный отпуск, как он в тот момент помышлял. Затем чуть меланхолично улыбаясь, Мирослав подошел к своей любимой девушке Марии. Но стоит заметить, что та не отличалась любовным воодушевлением, кокетливой трогательностью, скорее как всегда, казалась сдержанно холодной и воспитанно игривой.

Мирослав робко спросил у неё.

– Вы слышали моё вчерашнее неподражаемое исполнение Реквиема? В тот вечер я играл только для вас одной, пытаюсь всеми невозможными творческими силами удивить вас. Тем самым я желал доказать свою бесконечную любовь к вам.

Мария удивилась.

– Играли для меня? Неужели прямо под моим балконом? – гений в ответ молчаливо кивнул, а девушка, улыбаясь, пояснила свое недоверие. – По-видимому, я вчера крепко спала и потому не услышала вашу серенаду. Но не расстраивайтесь по пустякам, ведь музыку так легко повторить. К примеру, сегодня, придите и сыграйте для меня. И если мне понравится ваше исполнение, то я, может быть, однажды полюблю вас. – чуть прикусывая нижнюю губку договорила девушка.

А ведь Мария, говоря всё это, даже не заметила его перебинтованную болящую руку, не посочувствовала его усталости и не заметила бледность его погрузневшего лица. Её безразличие к нему было подобно мутному стеклу, сквозь которое она видит лишь размытую тень человека, бесформенную невзрачность, угасающую в лучах её красоты. Вчера она уснула, даже не вспомнив о нём, отчего его творческая жертва стала напрасна.

Мирослав не нашел достойных слов для продолжения светского диалога с нею, но вскоре изрек верный ответ для этой насмешницы судьбы. Сначала он глубинно пронизательно взглянул в глаза этого ангела музыки, затем перевел беспокойный взгляд на свою нетронутую ранами правую руку и не без горечи, выудил из сердца несколько вербальных последних строф.

– Обещаю вам, Мария, сегодня же я сокрушу ваше сердце небесной недосыгаемой музыкой. У меня осталась одна рука, которой предостаточно для ещё одной решающей творческой попытки обворожить вас, пленить вас раз и навсегда. – здесь юноша несколько воодушевился. – У меня имеется в запасе второй живой альт. – и тут же он поник челом состаренным нечеловеческим творением. – Но если и здесь меня ждет тотальное катастрофическое поражение, чуждая моей мечте неудача, то тогда, боюсь, с того проклятого дня я вовсе утрачу способность творить, а значит и не смогу более жить будучи отвергнутым творцом, окончательно и бесповоротно отлученным от вашей святой красоты и вашего душевного тепла. Я умру в тот день, когда безразличием вы убьете мое второе дитя, зачатое любовью к вам. Конечно, я потом воскресну, но, то будет уже другой я, разочарованный в любви творец станет моралистом. – затем Мирослав тихо возопил струнами души. – О Муза, вы не услышали меня в первый раз, так услышите ныне! Молю вас, внемлите гласу сердца моего, любящего столь возвышенно дерзновенно образ благородный ваш нетленный!

Девушка услышала его вопль отчаяния, а может быть осталась глуха к сему извлечению звука. Но определенно его поэтические слова её несколько озадачили. После чего Мирослав оставил её томиться ожиданием, а сам быстроходно направился домой за новеньким смычком.

Юноша шел вдоль улицы, названной в честь Чайковского. Он брел тропой гения, безудержно размышляя на романтическую тему своей жизни – «Почему она не услышала меня?»

Не распознала всю гениальность моих творений?» – спрашивал он у вселенной и тут же отвечал самому себе. – «Должно быть, потому что я плохо играл. Должно быть мне необходимо умереть, утонуть в крови под её глухонемым балконом, погибнуть от невозможной творческой усталости в юных годах, переломиться, как измученная облезлая кисть в дланях Небесного Художника, дабы она заметила меня, и наконец полюбила меня. – затем он горделиво вопрошал у Творца – «Неужели только мертвый гений заслуживает внимания? Неужели для того чтобы вразумить человечество, Богу нужно умереть?».

Мирослав печально ступал, двигая усталыми ногами, словно старея с каждым пройденным шагом. На пути своём он видел многих встречных милостивых девушек, и, созерцая их красоту, думал о них пространно и драматично: – «Девы, вы определенно ангелы, ибо вам чуждо всё человеческое, либо вы люди и потому вы чуждаетесь всего ангельского». – всю свою романтическую жизнь Мирослав грезил сей философской мыслью и всё никак не мог разгадать эту божественную непостижимую тайну.

Неужели сей мученическое бремя уготовано для него, для гения, неужели так предопределено судьбой ради возвышения посредством унижения? Так оно и есть, ибо гениальность есть нищета, пустота, которую творец наполняет праведным светом истины.

2012г.

Новелла ночи

*«Божественный поэт в зрелых летах
В темном лесу блуждает.
Бесславнейший поэт в младости цветах,
В светоче ночи плутает»*

Образ. Поклоненье. Свет.
В душе неистово волнует
Платонический сонет.
Все чувства бастуют и чаруют
Безмолвия обет.
В сжиганье звезд
Остынет злость и ночь проснется,
Словно винограда гроздь
Дурманит, опьяняюще прольется
В уста младые винный дождь
Стихир любовной прыти,
Подвластные азам сердечных мук.
Шепот – «Спите...»
Но бессонна грусть разлук.
О сердце не корите.
Радуйся мученик поэт!
Портреты пусть твои рисуют,
Растает слава как первый снег.
О величье гения уж боле не ревнуют.
Молчанье – от всякой ссоры оберег.
Вечностью уснет творец,
Душой от тленья оторвется.
Ужель в ночи примет он конец?
Не жизнь, но творенье оборвется.
И восплачет льстец,
Терзаясь страхом, то молчаньем,
Усладой лени.
Но воскреснет вдохновеньем
Поэт убогий в бесславной тени,
Что именуется стареньем.
Россыпь звезд, ночной покров.
Господь, кто смертный час минует?
Вернется ли счастье вдов?
Кто душу истолкует?
Страсти – усмешки злых богов.
А добродетель – сердце
В груди любовно жметя.
Трепещет тельце,
Так тихо бьется
Семечком в младенце.

Ты помнишь свое рождение?
Царские покои, сени,
Средь зверей раденье.
В ручонках погибают змеи.
И утихло их шипенье.
Мы трижды примем наготу:
Рождаясь, крестясь и Духом омываясь,
И когда теряя красоту,
Плоть мертвую одевают содрогаясь
Сожаленьем во бреду.
В ночи отверст исход,
Тьмою зыбкой преисполнен.
Светочем воссияет тот,
Кто кроток, кто покоен.
Благословлен тогда поэзии синод.

Восторг мечтательный исторг.
Душою всей склонился.
Слов безудержный поток
В тумане речи за клубился.
И видит Бог,
Любовь невинна в поцелуе
Эфирных губ дыханья.
Любимой имя поминая все,
И в тишине молчанья,
На свободе, в сбруе
Памятью воображенья
Дева видится – Святыня.
Оставив вопрошенья.
Сердцем он шепнет – о, Арина...
Ангел поднебесья,
Образом приди в обители моей души,
Обними очами.
Жизнь мою единым взором осуши,
Пыл остуди речами,
Покойника в глуши.
Я не глупец – чтобы кончать с собою.
Всякий творец бессмертен в слоге.
Я безумец, лишь, мечтавший быть с тобою.
Гость незванный на пороге.
Оледенело хладно здесь,
В шаге от уюта и тепла.
Там горячится юности немая спесь,
Как пламя и свеча.
Ревность, месть —
Прокляты, и глас —
«Юность уходит без следа,
Не искушен твой глад,
Вкуси запретного плода,

И сонмы бранных фраз.
Познай же страсть!»
О, духи, лютые злодеи.
Помыслы – дракона пасть.
Оскалив зубы греха химеры
Козни и напасть
Исполняют словно феи.
Целомудрие – вот мой удел,
Бесславного поэта бремя.
К Небу взор благостный воздел.
Да не прольется злое семя.
И бесстрастье это не предел.
Люби душой любовь Творца.
Очищайся чистотой
Венчального кольца,
Едины будьте вы душой.
Как Божий Сын и Дух Отца.
О, землетрясенье
Естества писанья и холста,
Благое сокрушенье
Колдовства желаний и греха
Зельеваренье.
Эссенция стиха во слоге.
Но не родился тот талант.
Да будет наша жизнь лишь в Боге.
Муза – изменник франт
Всегда в пути, всегда в дороге.
Словно метафизик Кант,
Невинна и пространна.
И то малое вниманье,
В мечтании столь статно
Рельефа изваянье
Вдохновеньем деликатно.
То воспоминаньем,
То обликом прекрасным
Поэт измучен упованьем
Столь долгим, столь опасным,
Ночь укрощает содроганьем.
«Смирись, иль будь несогласной» —
Возвал поэт —
Лирой величавой, громогласной.
Ослабь корсет
Мечт моих усладой властной.
О, дева – святое провиденье,
Сон прибрежный.
Не осуждай мое ты поведенье.
Мой ангел нежный.
Жаль неподвластно мне сравненье
Достойное тебя и вновь,

О Небесном чувстве я толкую,
Дарю я тебе любовь,
Столь невинную и неземную.
Опять ты хмуришь бровь.
Улыбнись, не печалься, устыдись.
Иль распни отказом ежечасно.
В сердце кровью воротись,
Не грубо, но атласно.
Молись, покайся, в меня влюбись».
Бесстрастно внимала пенью ночь
Монологам странного юнца.
Он жил и погибнуть был не прочь.
Обрыва крутизна
Душа его точь-в-точь.
Воззрившись на луну,
Хотел было волчий вой
Издать сквозь пургу,
Но насекомых рой
Прорвал кожи скорлупу.
И второпях,
Он вглубь сада ринулся спеша
Словно на санях.
Летела романтика душа
Заблудшая в ветрах.
Священная беседка
Осветилась бликом в полутьме.
А там марионетка —
Заложница в чужом уме,
Простолюдинка и соседка.
Иль поэт любви невольник,
Ее причуд слуга и раб
Страданий стольких
Пойманный в ловушку краб,
Платонический любовник.
Ах, да будет так.
В сиянье девы он проник,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.